

муса формализму» (с. 298). И среди концепций Д. Н. Овсяннико-Куликовского уязвимее те, в которых противопоставленное социальному психологическое объявляется главной детерминантой творчества (в книгах о Тургеневе, Гоголе, Л. Толстом). Отход ученого от «чистого» психологизма был обусловлен, как отмечает Н. В. Осьмаков, «пониманием больших потерь, какие неизбежно возникают в признании имманентности творческого процесса и продуктов творчества» (с. 378).

Преодолением ограниченности культурно-исторического метода, с сохранением его достижений, являются труды Александра Н. Веселовского по созданию исторической поэтики. Особенно важной для современной науки И. К. Горский справедливо считает поставленную и отчасти решенную Веселовским проблему литературной преемственности, объединяющую его работы о происхождении литературных родов и жанров, о сюжетах, о поэтическом языке³. Применение сравнительно-исторического метода к огромному материалу всеобщей литературы объясняет основательность многих выводов ученого, принимаемых современной наукой. В то же время метод Веселовского, по замечанию И. К. Горского, «результативен лишь в пределах того или иного эволюционного цикла» (с. 230). Наименее ясны у Александра Веселовского вопросы обретения внестетическими явлениями (например, формальными эмбрионами литературных родов) эстетического качества и, с другой стороны, загадки личного творчества, почти свободного от «предания».

Не менее весомый, чем историческая поэтика Александра Веселовского, вклад в изучение словесно-художественных явлений представляют работы основоположника психологического направления А. А. Потебни. Доказательство ученым через аналогию с образным словом неисчерпаемости содержания произведения и вследствие этого особой трудности его критической интерпретации явилось мощным стимулом дальнейшего изучения специфики искусства. При многочисленных противоречиях в потебнианском противопоставлении прозы (науки) и поэзии, по словам А. П. Чудакова, «важен сам факт научного выдвижения этой проблемы» (с. 325). Автор соотносит учение Потебни о поэзии с формалистическими теориями, не затрагивая, к сожалению, современных концепций. Вызывают большой интерес подчеркнутые А. П. Чудаковым отдельные положения Потебни, в известной мере снимающие упреки в отождествлении ученым поэтичности и иносказательности слова и свидетельствующие о возможностях развития концепций, без обязательной параллели с лингвистикой. Это — признание источником образности

сложных сочетаний слов, превосходящее принципы контекстуального анализа (например, в работах Г. О. Винокура), широкое понимание ученым и его учениками синекдохи как условия художественного обобщения, выделение трех элементов (внешней, внутренней формы, значения) в изобразительных искусствах и др.

Перспективным было и дополнение культурно-исторического метода анализом психологической характерности возможных прототипов в «Истории русской интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского, хотя, как обоснованно полагает И. В. Осьмаков, «нельзя считать правомерной мысль об идентичности художественных и реальных исторических явлений» (с. 399).

Методологическое развитие академического литературоведения во второй половине XIX в. отражалось и на работе стиховедческого «цеха». А. Л. Гришунин отмечает, что «в период господства культурно-исторической школы основательно снизился литературоведческий интерес к стиху» (с. 160). Автор обзора стиховедческих штудий Б. П. Гончаров выделяет как наиболее плодотворную тенденцию в изучении стиха развитие концепции А. Х. Востокова, «с ее интересом к интонационно-синтаксической стороне поэтического текста, через которую протягивались связи к содержательному ядру стихотворного произведения» (с. 499). Не меньшее значение для общей теории стиха имело, по-видимому, и исследование Александром Н. Веселовским генезиса ритма, рифмы, строфики, не получившее в главе развернутой интерпретации.

Наша попытка систематизации наиболее узловых проблем книги, конечно, оставляет в стороне многие вопросы, поднятые авторами. В целом исследование раскрывает огромное концептуальное богатство русской академической науки, ее национальную самобытность, сложность методологических исканий, поучительных и в неудачах. Вывод П. А. Николаева в «Заключении» о преемственных связях марксистского литературоведения с русской академической наукой подготовлен материалом всей книги. Высокие историографические достоинства исследования в большинстве глав сочетаются с продуманной трактовкой концепций в свете дальнейшего развития науки. Пожалуй, недостаточно самостоятельна глава, посвященная мифологической школе: чувствуется зависимость мысли автора — А. И. Баландина — от многих положений учебника М. К. Азадовского «История русской фольклористики».

Логическая композиция книги поставила в трудное положение У. А. Гуральника — автора главы о литературной критике. Сравнительно небольшой объем главы, видимо, помешал полноте анализа: выделены «почвенники», но не рассмотрены «артистическое» направление (получившее слишком категоричную негативную оценку), критические выступления

³ Этот вопрос более подробно освещен И. К. Горским в его книге «Александр Веселовский и современность» (М., «Наука», 1975).